

УДК: 81-255,4=111

DOI: <https://doi.org/10.26661/2414-1135/2018-74-01>

АЛЕКСЕЕВ А. Я.

*(Национальный технический университет «Днепропетровская политехника»)***REVENONS A NOS MOUTONS: КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА,
ДВУЯЗЫЧИЕ И ПЕРЕВОД**

В статье анализируются тесные связи перевода с контрастивными исследованиями, двуязычием и интерференцией, с которой неизбежно сталкивается переводчик в своей переводческой деятельности. Отмечается глубокий интрадисциплинарный характер перевода и как науки, и как процесса, носящего в настоящее время ярко выраженную когнитивную доминанту.

Ключевые слова: перевод, контрастивная лингвистика, билингвизм, концептуальный анализ

Алексеев А. Я. Revenons à nos moutons: контрастивна лінгвістика, двомовність і переклад. У статті аналізуються тісні зв'язки перекладу з контрастивними дослідженнями, двомовністю і інтерференцією, з якою неминуче стикається перекладач у своїй перекладацькій діяльності. Відзначається глибокий інтрадисциплінарний характер перекладу і як науки, і як процесу, що носить в даний час яскраво виражену когнітивну домінанту.

Ключові слова: переклад, контрастивна лінгвістика, білінгвізм, концептуальний аналіз

Alexeev A. Revenons à nos moutons: contrastive linguistics, bilingualism and translation. The article deals with the close connection of contrastive linguistics and bilingualism with theoretical and practical problems of translation, stresses the necessity of taking into account a whole complex of linguistic and extralinguistic factors that facilitate adequate communication, as the theory of translation has long become an intradisciplinary linguistic subject. In many respects, it is based on classical methods of analysis, but it includes the most widespread structural investigations that have proved to be practical: transformational, component and distributive analyzes. Their moderate necessary symbiosis in the process of translational activity presupposes more or less adequate oral and written communication, which is achieved by the most successful reflection of the semantic, cognitive, evaluative and conceptual spheres of the original messages in the target language. A special role in this kind of language activity belongs to the translator, his general intellectual culture, his broad knowledge of working languages, his deep understanding of ethnic and cultural peculiarities of the ethnic groups speaking these languages, and his capability of adequate rendering the linguistic and conceptual picture of the world of the original communicant in the translation.

Key words: translation, contrastive linguistics, bilingualism, conceptual analysis

Вопрос соотношения перевода как с теоретической, так и практической точек зрения с контрастивной лингвистикой в настоящее время так же тривиален, как и противоречив. Но, тем не менее, следует напомнить, что не так давно он был в центре жарких дискуссий мэтров языковедческой науки в различных странах. И как всегда, истина таких дискуссий, то резко противопоставляющих теорию перевода и контрастивную лингвистику, то их объединяющих в единое целое, лежит где-то посередине. В отечественной науке о языке возобладала тенденция выделения переводоведения в самостоятельную филологическую дисциплину с присущим ей отдельным шифром в общей номенклатуре научных направлений и специальностей, что было встречено настороженно широкой научной общественностью. То есть вопрос о том, является ли теория перевода самостоятельной наукой или же частью сравнительного языкознания в целом, остается всё же открытым.

Напомним о том, что сопоставление языков, так же, как и перевод, «столь же древне, сколь и само изучение языка» (В. Г. Гак), поэтому современная контрастивная лингвистика как, добавим, и современная теория перевода, представляют собой сублимацию теоретических обобщений давней человеческой практики в области описания и применения языка. Обе они возникли из практической необходимости преподавания «чужих» языков в целях общения с «иноверцами» для осуществления с ними простейших торговых операций по обмену товарами. Именно эта многовековая практика заложила глубокий фундамент для формирования в 60-е гг. прошлого столетия контрастивной лингвистики и теории перевода как современных научных филологических дисциплин. В разработке теоретических основ этих направлений лингвистических исследований первенство в большей степени принадлежит американским и западноевропейским лингвистам. Контрастивный анализ с его современными методами решения тех задач, которые ставит перед ним общая лингвистика, был разработан американскими структуралистами (Фриз, Ладо, Блумфилд, Хэррис) и

дополнен их немецкими, английскими и итальянскими последователями (Kufner, Agard, Moulton, Di Pietro) [Джеймс 1989, с. 240].

Первоначальные дискуссии о том, может или нет контрастивная лингвистика опираться только на сравнение двух (например, К. Джеймс) или нескольких языков, только на одни или другие языковые факты, ушли в прошлое, так как были достаточно четко очерчены ее задачи и цели, которые отделяли её от целей и задач типологических исследований. Непосредственной задачей контрастивной лингвистики стало сравнение двух или нескольких языков с целью обнаружения их сходств и различий. Притом сравнение может касаться не только отдельных языковых явлений, но и всех единиц различных уровней, включая текст (теория перевода, по К. Джеймсу, занимается тоже «процессами преобразования текстов» [Джеймс 1989, с. 209]), с опорой на семасиологический или ономасиологический вектор исследования.

Такое понимание задач контрастивной лингвистики позволило ученым говорить о сравнительной фонологии, сравнительной морфологии, сравнительной лексикологии, сравнительном синтаксисе, контрастивной порождающей грамматике, включая сравнительную стилистику и т.д. Что же касается терминологии, то контрастивная, сравнительная, сопоставительная, конфронтативная лингвистика суть синонимические понятия. Контрастивные же исследования с использованием текстов, находящихся в отношении «оригинал – перевод», по общим представлениям не имеют смысла: «...так называемые сравнения переводов ни в коем случае не могут быть безоговорочно приняты контрастивной лингвистикой и приравнены к общим... утверждениям о межъязыковых отношениях, к которым стремится контрастивная лингвистика!» [Штернеманн 1989, с. 169].

Сравнение переводов хотя и играет важную роль при сопоставлении, но остается лишь его эмпирической материальной базой и оперативным средством установления контекстуальной эквивалентности [Хельбиг 1989, с. 315]. Эта же мысль звучит и у Г. У. Кёрквуда, который ее формулирует в связи с методикой обучения и изучения иностранного языка: «Контрастивное синтаксическое и семантическое исследование на основе перевода...составляет солидную эмпирическую основу для овладения структурой языка...» [Кёрквуд 1989, с. 349], т.е. перевод является не более чем техническим приемом при начальном этапе контрастивного анализа [Ди Пьетро 1989, с. 118].

И, наоборот, для теории перевода сравнительный анализ оригинала и перевода(ов) открывает большие возможности для уяснения не только специфики перевода отдельных конкретных явлений, но и позволяет придти к более серьезным обобщениям, связанным с особенностями картины мира отправителя и получателя текста.

Несомненно, контрастивный анализ теснейшим образом связан с переводом, так как его невозможно провести без знания соответствующих сравниваемых языков. И по признанию ученых, такой анализ более эффективен на уровне текста. Таким образом, и для контрастивной лингвистики и для теории перевода самым «идеальным» объектом для анализа является текст, потеснивший атомарные исследования тех или других частных языковых феноменов на микросемантическом уровне, которыми увлекаются еще, к сожалению, некоторые исследователи.

Здесь достаточно сослаться на ряд защищенных диссертаций по переводу в последние годы, в которых ставится основной целью изучение роли эвфемизмов и других языковых феноменов в идиостиле того или иного автора и приемов их передачи в украинском языке [Мараховська 2016], изучение влияния «культурной политики детства на переводческие стратегии и роль адаптации как явления и способа реконструкции оригинала в переводе» [Гриценко 2016], т.е. приспособление текста перевода к разным возрастным категориям, что, собственно, уже и нельзя назвать переводом. Сюда тесно примыкает и работа Б. О. Плющ [Плющ 2017], посвященная переводческому диспаритету, который состоит в неравности ограничений и требований к переводчикам с менее распространенных языков, а также причинам и последствиям непрямого перевода. Возможно, все указанные выше проблемы

интересны для отдельных специалистов, но они вряд ли способствуют развитию собственно теории перевода.

Контрастивная лингвистика, как и теория перевода, всегда отдавала дань «модным» исследовательским приемам и методам, разрабатываемым в лоне той или иной парадигмы – сравнительно-сопоставительной, генеративно-трансформационной, функционально-коммуникативной, когнитивно-дискурсивной, формировавшихся всегда на стыке различных наук – «чистой» лингвистики, психологии, культурологии, когнитивистики и многих других. Но при всем их разнообразии неизменным и фундаментальным остается компонентный анализ, непосредственно связанный со значением языковой единицы как в системе языка, так и при ее функционировании в речи.

В целом, в данном случае можно говорить о содержательной (семантической) стороне языка, которая состоит «из таких дискретных единиц значения, при помощи которых человек характеризует различные моменты своей жизни, элементы окружающей действительности, социальной структуры, профессиональной деятельности» [Ди Пьетро 1989, с. 109]. При этом уже давно канули в Лету разнообразные попытки сторонников американского структурализма и ельмслевской глоссематики исключить из сферы внимания ученых значимую (содержательную) сферу языка в целях построения «безупречных» исследовательских теорий или парадигм. Компонентный анализ, по мнению большинства лингвистов, позволяет не только выявить интегрально-дифференциальные компоненты значения сопоставляемых или переводимых языковых единиц (Дж. К. Кэтфорд, Э. Косериу, К. Джеймс), но и создать необходимую базу для их смыслового понимания в речи.

Проблема осложняется еще тем, что слово как основная операционная единица языка (и перевода в том числе) способно нести в себе и генерировать в речи массу различных дополнительных смыслов, стилистических оттенков и ассоциаций. Поэтому «рассматривая значение слова, – пишет Г. У. Кёрквуд, – мы должны принимать во внимание как то, что слово обозначает, так и то, какие коннотации с ним связаны, т.е. какие ассоциации оно вызывает, и возможные контексты его употребления. При этом следует учитывать денотацию, коннотацию и коллокацию как составные части значения выражения» [Кёрквуд 1989, с. 341]. Несомненно, здесь автор под выражением имеет в виду не только то, что принято традиционно называть предложением, но и текст. Другими словами, при переводе текста учитывается не только его денотативное и сигнификативное значения, но также и его контекстуальная (ситуативная) информативность.

Поэтому нельзя не вспомнить в этой связи известную работу одного из крупнейших теоретиков современности Э. Косериу, посвященную соотношению контрастивной лингвистики и перевода, в которой автор убедительно проводит различие между значением, обозначением и смыслом языковой единицы, иллюстрируя свою мысль рядом примеров, один из которых стал уже хрестоматийным: *vasa refero salva*. Это высказывание Платона считают непристойным, на что ученый задается вопросом «А почему, собственно говоря? У этого выражения простое значение: «инструменты (приборы, вооружение) я приношу обратно в целостности и сохранности». Непристойен его смысл, то, что имеется в виду, а именно обозначение, ибо *vasa* в данном случае обозначает совершенно особый (телесный) инструмент. Это обозначение может быть извлечено из контекста в соответствующей ситуации» [Косериу 1978, с. 64-65].

В связи с этим возникает вопрос: что имеет первостепенное значение при переводе – значение, обозначение или смысл? Какова роль каждого из этих феноменов в процессе перевода в реализации его главной задачи – эквивалентности (адекватности) продуцируемого переводчиком текста тексту оригинала? На ярких примерах ученый приходит к заключению, что «при одинаковых значениях и одинаковых обозначениях смысл может быть разным, как, впрочем, и одинаковый смысл может быть передан с помощью совершенно разных значений и разных обозначений» [Косериу 1978, с. 64-65]. Но для того, чтобы перевод был адекватным, необходимо, чтобы он передавал смысл, а не значения или

обозначения составляющих его единиц. Поэтому задача переводчика и состоит в том, чтобы с помощью разных значений обозначить одно и то же с целью адекватной передачи смысла оригинала.

Таким образом, отходят на задний план горячие дискуссии теоретиков перевода о единицах перевода, различных типах их эквивалентности и, соответственно, эквивалентности исходного и конечного продукта перевода на различных уровнях языковой структуры, переводимости и т. д. (ср. в этой связи работы В. Г. Гака, Л. С. Бархударова, В. Н. Комиссарова, Ю. В. Ванникова и других отечественных ученых). И если, по мнению Э. Косериу, контрастивная лингвистика видит свою задачу прежде всего в том, чтобы «рассматривать один из сравниваемых языков как систему обозначений («картину мира») и сравнивать с ней другие языки – как оформление того же самого «мира» с помощью других значений», то можно из этого заключить, что основной задачей перевода является, соответственно, адекватная передача «картины мира» (концептуального содержания) исходного текста на язык перевода. Недаром Ю. Найда, Ж. Мунен в свое время отстаивали идею (теорию) динамической эквивалентности при переводе, когда получатель перевода будет на него реагировать так же, как носитель языка на оригинал.

Такое видение основной задачи перевода хорошо согласуется в своей сути с позицией Э. Косериу, хотя и достигается у авторов всевозможными средствами, в то время как Э. Косериу для достижения этой цели привержен более строгим в языковом плане средствам. Главное здесь состоит в том, чтобы при описании или переводе совершенно другого культурного мира, или, как сегодня принято говорить, другой картины мира в итоге не получить его (её) искажение вплоть до карикатуры. И чтобы этого не случилось, переводить нужно не слова, а текст, уяснив хорошо его смысл со всеми присущими ему стилистико-культурными коннотациями. Э. Косериу по этому поводу справедливо замечает: «часто говорят, что слова не переводятся, и имеют в виду, что при переводе можно вроде бы не заботиться о словах: было бы достаточно устанавливать соответствия между единицами более высокого ранга (например, содержаниями предложений).

Это суждение основывается, однако, на смешении предмета и отдельных операций, выполняемых при переводе. Справедливо лишь то, что слова как таковые не являются предметом перевода, ибо переводятся только тексты. Но все то, что достигается текстом, должно быть «переведено», это означает, что для отдельных слов необходимо находить соответствия, коль скоро они какую-то роль в тексте играют. То обстоятельство, что такие соответствия могут быть чем-то иным, а не словами и что одному слову может соответствовать несколько слов (или наоборот), представляет собой совершенно иной вопрос» [Косериу 1989, с. 80].

Сформулированная таким образом кардинальная мысль Э. Косериу относительно основного объекта перевода заставляет переводчика учесть тот факт, что текст имеет не только содержание (денотативное, сигнификативное, смысловое), но и форму, которая сама имеет тоже определенное значение. Ведь перевести стихи В. Маяковского и особенно поэтов-символистов (имажинистов, дадаистов и т.д.), не соблюдая их форму (речь не идет здесь даже о чисто поэтических других языковых особенностях), значит исказить их глубинный смысл, их символику.

«Форма, как известно, – пишет И. Н. Шама, – составляет один из ядерных элементов жанрово-стилистической доминанты поэтического текста, а проблемам эквилинеарности, эквиметричности, эквиритмии посвящено немало научных трудов (см., напр., работы О. И. Гайнчеру, И. Левого и мн. др.). Не обошли своим вниманием переводоведы и графику стиха, его мелодику и интонационную окраску (см. статьи в «Тетрадах переводчика», «Теорії і практиці перекладу» и т. д.). Везде отмечались значительные трудности, связанные с воссозданием поэтического ИТ, но и подчёркивалась возможность эти трудности преодолеть» [Шама 2005, с. 149-150].

Говоря о различных методиках анализа, существующих сегодня в переводоведении преимущественно в сфере художественной коммуникации, И. Н. Шама на материале большого количества параллельных текстов на английском и украинском языках мастерски показывает, как можно с большой долей объективности декодировать смысл исходного текста для перевода на основе интерпретации присутствующих в них символов культуры. Для переводоведения постановка такой проблемы уже сама по себе является новаторской, а проведенный автором анализ конкретных художественных прозаических и поэтических произведений оригинален и многообещающий.

В частности, автор подчеркивает, что «символическая интерпретация художественного текста не просто помогает по-новому увидеть ИТ, и не только уточняет ту или иную трактовку, сложившуюся при более поверхностном прочтении текста. Для переводчика и интерпретатора проникновение в символику литературного произведения даёт уникальную возможность увидеть действительную картину мира ИТ, которая может в корне отличаться от изложенной открыто автором текста или от принятой в научных исследованиях. Более того, символы, пронизывая весь текст, образуют систему, все элементы которой тесно переплетены. Выявление же этих взаимосвязей способно прояснить «белые пятна» в содержании, раскрыть глубинную логику сюжета, помочь разобраться в характерологическом контексте» [Шама 2005, с. 40].

Занимаясь процессами преобразования текстов, теория перевода выходит постепенно из-под влияния лингвистики текста 70-80 гг. прошлого столетия с ее актуальными для своего времени частными проблемами, переориентируясь на текст-дискурс, на отражение в нем национальной (а не только индивидуальной авторской) картины мира и способы ее реализации в переводе. Таким образом, для современной теории перевода становится важным понять, какой является картина мира отправителя речи (конкретного индивида в конкретном речевом произведении, конкретного мастера художественного слова, конкретного любого продуцента текста), как она реализуется в его языковой картине и какими средствами все это передается на чужом языке, не допустив ошибок и вольных или невольных искажений.

О таких возможных просчетах при переводе хорошо предупреждает Р. Штернеманн: «При использовании текстов, находящихся в отношениях оригинала и перевода, необходимо учитывать целый ряд обстоятельств, относящихся к процессу перевода, в противном же случае лингвистическая интерпретация текстов может привести к неверным результатам. Прежде всего, из рассмотрения должны быть исключены те тексты, в которых посредник допустил ошибки в перекодировании. При этом речь может идти даже о нарушении в передаче ситуации (денотата), представленного в тексте на исходном языке, в результате чего данный текст оказывается неадекватным и как перевод, и как материал для контрастивного исследования. Особое внимание при использовании текстов следует обращать на характер языковой передачи, посредством которой созданы тексты на языке-цели. ...в переводных текстах часто могут встречаться сознательно допущенные сокращения, более сжатые или более распространенные по сравнению с оригинальным текстом переводы, что может весьма затруднить корреляцию явлений исходного языка и языка-цели, сделать ее проблематичной...» [Штернеманн 1989, с. 170].

При переводе конкретного текста переводчик ориентируется, прежде всего, на эксплицитность его содержания, его денотативное и референциальное значения, особенно если речь идет о синхронном переводе, потому что непосредственному преобразованию подлежит содержательная сторона текста, эксплицируемая значением и кобинаторикой его «строительного» материала. Его же имплицитное содержание, т. е. то, что Э. Косериу понимает под смыслом, которое в значительной мере создает трудности декодирования художественной коммуникации, требует уже мастерства переводчика, его высокого интеллектуального уровня, эстетики, культуры и т.д.

Языковое содержание оригинала практически никогда по объективным причинам не воссоздается, да и не может быть воспроизведено в переводе в полном объеме [Комиссаров 1988, с. 11-14], что наглядно демонстрирует наличие множества различного вида трансформаций в арсенале переводчика. Разумеется, что все они должны быть мотивированы необходимостью достижения равноценного перевода. Что же касается передачи того, что имплицитно скрывается за знаками в тексте, то это уже сложная работа переводчика, обусловленная его высокой языковой компетенцией, культурой, интеллектуальным потенциалом и т. д. Эксплицировать или оставить за кадром эту скрытую информацию в переводе – вопрос дискуссионный. Но И. Левый считает ошибкой стремление переводчика эксплицировать закодированный в оригинале подтекст: его должен уловить сам получатель. И здесь прочтение как оригинала, так и перевода художественного текста всегда будет индивидуально – тезис уже не дискутируемый специалистами.

Многие общие и частные вопросы перевода, о которых речь шла выше, сводятся в итоге к его основной извечной проблеме – эквивалентности (адекватности), которую не мог не затронуть ни один из ведущих теоретиков в своих работах. Предлагались различные ее классификации, обозначения, обоснования и т. д., выливающиеся порою за границы собственно перевода. Здесь можно сослаться на ранние работы В. Г. Гака, В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова и других известных ученых в области теории перевода.

Дальше всех пошел в решении этого вопроса Ю. В. Ванников, предложивший выделять различные типы адекватности в зависимости от возможных соотношений текста перевода с различными ситуациями общения и установками потребителя перевода: семантико-стилистическую адекватность, функционально-прагматическую адекватность, дезидеративную адекватность, волюнтаривную адекватность (две последних отражают уже не перевод текста, а его реферативный, аннотационный, сегментный, аспектный и др. подходы) [Ванников 1988, с. 38-39]. Однако все предложения по большому счету не выходят за рамки трех основных требований к адекватности перевода, сформулированным одним из основоположников отечественного переводоведения А. И. Федоровым: перевод можно считать адекватным, если он отражает смысловое содержание оригинала, максимально воспроизводит его формальные и функционально-стилистические особенности.

Итак, контрастная лингвистика – это сравнение двух (и более) языковых систем в синхронном или диахронном плане с целью выяснения их общих или отличительных свойств, структурных и функциональных отношений между языковыми средствами сравниваемых языков в различных сферах коммуникации, определения правил отбора и организации этих средств в различных текстах (стилях). Л. В. Щерба в связи с этим писал: «... лишь соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений, – как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена, – естественным образом останавливает нас на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства» [Щерба 1957, с. 119]. Как бы там ни было, но контрастные исследования должны основываться на аутентичных языковых материалах, а не на переводах, если хотим познать структурно-семантические и стилистические особенности сравниваемых языков, социокультурную и психоэтническую специфику их носителей. Эта же специфика должна находить свою адекватность и в переводе.

Указанные выше проблемы серьезно обсуждались видными отечественными и зарубежными лингвистами в 60-70 гг. прошлого столетия параллельно с разработкой теоретических основ контрастной лингвистики, с продолжающимися исследованиями онтологии, генезиса и типологии различных языков, позволивших подтвердить мысль Г. Шухардта о том, что «развитие языка складывается из дивергенции и конвергенции; первую питают импульсы, исходящие из индивидуальной деятельности человека, вторая удовлетворяет потребности в установлении взаимопонимания» [Шухардт 1950, с. 78].

Все это приводит к различного рода отклонениям от норм задействованных в процессе контакта (перевода) языков, к интерференции, с которой связаны разнообразные явления в сфере языковых контактов, двуязычия, заимствования, конвергенции языков, в понимании природы иностранного акцента и т. д. [Хауген 1972, с. 62]. При этом интерференция, уточняет ученый, не всегда остается отклонением от нормы, потому что при частом повторении она может стать нормой. Поэтому одна из трудностей перевода, – замечает ученый, – и состоит как раз в том, что лексемы, отождествляемые в одном контексте, вовсе не следует отождествлять в другом. В двуязычных ситуациях интерференция на этом уровне возникает очень часто, например, когда носитель канадского французского спрашивает у продавца, сколько он *charge* (просит) за свои товары, вместо того чтобы употребить слово *demande* [Хауген 1972, с. 76].

Затронутые здесь связи перевода с контрастивной лингвистикой, билингвизмом, интерференцией естественны и не подлежат сомнению, так как все они тесно связаны с реализацией одной практической главной цели – адекватной коммуникацией. При переводе она достигается максимально успешным отражением семантических, когнитивных, оценочных и понятийных сфер исходных сообщений на язык перевода [Алексеев 2012]. Кроме того, атомарные переводческие этюды по большому счету тоже важны, но не как самоцель, а как платформа для более широких обобщений и выработки определенных переводческих стратегий, для разработки более продвинутых в теоретическом плане концепций перевода как научной дисциплины. Здесь, видимо, опора на языковую картину мира соответствующих этносов с целью более или менее адекватной трансформации особенностей их концептуальной картины и является основной задачей и проблемой переводчика. В художественной же коммуникации приоритетом для переводчика выступает задача адекватной трансформации особенностей индивидуальной языковой и концептуальной картины мира отправителя сообщения.

Литература

- Алексеев А. Я. Сопоставительная стилистика. Днепропетровск : НГУ, 2012. 477 с.
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. *Новое в лингвистике*. М. : Прогресс, 1972. Вып. VI. С. 25-60.
- Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности. *Текст и перевод*. М. : Наука, 1988. С. 34-40.
- Гриценко М. В. Моделивання ситуації перекладацької дії на матеріалі художніх творів для різнобікової аудиторії : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.16 – перекладознавство. Київ, 2016. 18 с.
- Джеймс К. Контрастивный анализ. *Новое в зарубежной лингвистике*. М. : Прогресс, 1989. Вып. XXV. С. 205-306.
- Кёрквуд Г. У. Перевод как основа контрастивного лингвистического анализа. *Новое в зарубежной лингвистике*. М. : Прогресс, 1989. Вып. XXV. С. 341-349.
- Комиссаров В. Н. Смысловая стратификация текста как переводческая проблема. *Текст и перевод*. М. : Наука, 1988. С. 6-16.
- Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод : их соотношение. *Новое в зарубежной лингвистике*. М. : Прогресс, 1989. Вып. XXV. С. 63-81.
- Левый И. Искусство перевода. М. : Прогресс, 1974. 354 с.
- Мараховська А. Ю. Відтворення евфемізмів в українських перекладах іспанськомовної художньої прози : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.16 – перекладознавство. Київ, 2016. 19 с.
- Плющ Б. О. Прямий та непрямий переклад української художньої прози англійською, німецькою, іспанською та російською мовами : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.16 – перекладознавство. Київ, 2016. 19 с.
- Пьетро Р. Дж. Ди Языковые структуры в контрасте. *Новое в зарубежной лингвистике*. М. : Прогресс, 1989. Вып. XXV. С. 82-121.
- Цвиллинг М. Я. Исчерпала ли теория перевода свои возможности? *Вопросы филологии*. М. 2002. №1. С. 50-71.
- Хауген Э. Языковой контакт. *Новое в лингвистике*. М. : Прогресс, 1972. Вып. VI. С. 61-80.
- Шама И. Н. Перевод – искусство понимать.... Запорожье : Просвита, 2005. 236 с.
- Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику. *Новое в зарубежной лингвистике*. М. : Прогресс, 1989. Вып. XXV. С. 144-178.
- Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. 454 с.
- Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. 186 с.

(Матеріал надійшов до редакції 10.05.18. Прийнято до друку 1.06.18)